

УДК 81'373

**НОВЫЕ РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ****В.А.Маслова****NEW RUSSIAN PROVERBS: COGNITIVE, LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS****V.A.Maslova***Витебский государственный университет, mvavit@tut.by*

В статье исследуются устойчивые выражения, возникшие на рубеже XX и XXI веков, которые, по мнению автора, можно назвать новыми пословицами, потому что по форме и использованию в речи они полностью соответствуют традиционным пословицам: имеют форму предложения, многие из них алогичны, используют рифму, аллитерацию и ассонанс. Но их функция в обществе изменилась: если классическим пословицам присуща прежде всего регулятивная функция, то новым — игровая.

**Ключевые слова:** *паремиология, клише, афоризм, прагмалингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика*

The article is devoted to the set expressions that appeared at the turn of the XX<sup>th</sup> - XXI<sup>th</sup> centuries and which, according to the author, can be called new proverbs, because they fully coincide with traditional proverbs in shape and the use of speech: they have a sentence form, a lot of them are illogical, they use rhyme, alliteration and assonance. But their function in society has changed: if classical proverbs perform in the first place a regulatory function, the new ones have a function of language play.

**Keywords:** *paremiology, cliché, aphorism, pragmalinguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics*

Пословица — это краткое клишированное изречение, воспроизводимое, а не творимое в момент речи.

В общей теории клише, разработанной Г.Л.Пермяковым, выделяются фразеологизмы, паремии в форме незамкнутых предложений (поговорки, пожелания, проклятия), паремии в форме замкнутых предложений (пословицы, приметы и т.п.), а также сверхфразовые паремии, воспроизводимые одним лицом (побасенки, некоторые анекдоты), сверхфразовые паремии, воспроизводимые в диалоге (загадки, задачи и т.д.) и т.п. [1].

Мы видим, что классифицируя клишированные выражения по синтаксическому параметру, исследователь относит пословицы к закрытым синтаксическим структурам, что верно лишь отчасти.

До недавнего времени пословицы рассматривались как произведения малых форм народного устного творчества и изучались фольклористикой, затем они исследовались с позиций структурной лингвистики, а теперь они стали предметом прагмалингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

Пословица создается естественным путем, формулируется в выводах из повторяющихся жизненных ситуаций, фактически это актуализация коллективного опыта в конкретной речевой ситуации, сжатая характеристика регулярно воспроизводимых ситуаций. Если слова обобщают признаки предметов, явлений, понятий, то пословицы обобщают признаки повторяющихся однопорядковых ситуаций.

По существу объяснение значений пословиц часто исчерпывается указанием на соответствующую ситуацию. С позиции когнитивной лингвистики вместо ситуации используется когнитивный фрейм, или когнитивный сценарий, который помогает формированию новых мыслительных схем. Схемы включают в себя также совокупность условий речевого акта, говорящего и адресата, характеристику их отношений, обстановку, в которой осуществляется речевой акт, тему речевого произведения и лингвистическую принадлежность речевого произведения.

Все многообразие пословиц можно условно разделить на несколько смысловых категорий (выражения, связанные с конкретными областями действия, например сельским хозяйством). Владимир Даль в своей подробной классификации выделил 189 таких категорий. Это и есть основа для выделения сценариев. Например, сценарий «сходство людей» — это следующие клише: *одного поля ягода, рыбак рыбака видит издалека, на один покров сшиты, одной веревочкой связаны, два сапога пара, один другого стоит, одним миром мазаны*; сценарий «время — живое существо» образуют пословицы *Время лечит; время работает на нас; время всему научит; время — вперед* и др.

Использование сценариев в анализе позволит установить системную основу в появлении и функционировании пословиц. Однако, думается, не все пословицы можно объединить сценариями. Какие именно и почему — это открытые на сегодняшний день вопросы.

Пословица — это опыт народа, который живет в словах: *Аввакум скажет наобум, а ты себе бери на ум. Нет на свете дела труднее, чем Богу молиться, родителей кормить да долги платить*.

Когнитивный анализ их смысла показывает, что во многих пословицах нарушается элементарный здравый смысл: *с огнем играют, за ветром в поле гоняются, стряпают день до вечера, а поест нечего, беду разводят руками* и т.д.

В пословицах нарушаются почти все законы формальной логики:

1. Закон исключенного третьего: *Ни два, ни полтора*.
2. Закон тождества: *Людей много, да человека нет*.
3. Закон противоречия: *Женится медведь на корове, рак — на лягушке*.
4. Законы с несколькими переменными: *Лес видит, а поле слышит*.

Следовательно, пословицами создается собственный мир, который не подчиняется законам формальной логики, у пословиц своя логика, свои когнитивные задачи.

В общем фонде пословиц около половины пословиц противоречат друг другу. С.Е.Лем (польский афорист) писал: «Пословицы противоречат друг другу. В этом-то и заключается народная мудрость».

И действительно, окружающий нас мир сложен и противоречив, а пословицы лишь обращают на это наше внимание. Мы живем, сообразуясь со смыслами пословиц, часто не отдавая себе отчета в этом. Правда, при всей своей кажущейся простоте, пословицы сложны и противоречивы. Они являются знаком ситуации, например, *Кабы лиса не подоспела, то овца бы волка съела*. В зависимости от ситуации использования данная пословица может 1) порицать хвастовство; 2) осуждать ложь; 3) восхищаться фантазией рассказчика и т.д.

Многие из пословиц требуют лингвокультурологического комментария, например, *Держи себя в руках, пока ноги не держат*. Здесь необходимо пояснение о «русской болезни», пьянстве, и пьяном буйстве. Игорь Губерман с иронией пишет: «*Послушные пословицам России, / живя под неусыпным их надзором, / мы сора из избы не выносили, а тихо отравлялись этим сором*».

Не всегда следует искать в пословицах особый мудрый смысл. Иногда они создаются просто на созвучии: *Держись за авось, пока не сорвалось*.

При интерпретации пословиц часто отмечают их архаичность, т.е. отражение устаревшего коллективного опыта. Тогда, может быть, пословицы уйдут из нашего языка?

Думается, что этого не случится по сумме различных причин. Во-первых, потому, что пословица — порождение игровой стихии языка в целом. А игра — одна из первейших потребностей человека. Психологи считают, что игра является прообразом труда, это — первичная деятельность человека, создавшая его самого. Поэтому игра будет интересна человеку всегда: играют боги и дети, животные и актеры; спортивные состязания и карнавалы — это тоже игры, есть азартные игры и священные игрища. В пословицах сочетается языковая игра и игра реальности (*Кому что, а лысому гребень. У больного здоровья спрашивать*). В них нарушаются принципы установления отношений между явлениями, отношения одного основания, части и целого, причины и следствия: так в реальной жизни «свое» включает в себя и «чужое», а в пословицах — нет: *Сначала пьем твое, а потом каждый свое. Семь пятниц на неделе. Без году неделя. Держать себя в руках*. И это зачем-то нужно человеку. Н.Д.Арутюнова пишет: «Для того, чтобы открыть нерушимые законы мироздания, человек строит модели альтернативных миров, в корне отличных от реального» [2]. Именно такова пословица, которая учит этому носителей языка.

Во-вторых, для отдельного человека и этноса в целом важна эстетическая функция пословиц. А.А.Потебня писал: «Язык не есть только известная система приемов познания... Язык есть вместе с тем путь осознания эстетических и нравственных идеалов» [3]. Эта сентенция имеет прямое отношение и к пословицам, в которых отражены эстетические взгляды и представления, художественные вкусы и идеалы

и т.д.: *Дальше едешь — тише будешь*. Здесь, кроме параллелизма, на эстетическую функцию работает выражение *тише будешь*, которое имеет поверхностный и глубинный смысл. Не случайно существует такая пословица: *Пословица цыганским (задним) умом живет*.

На формирование эстетической функции влияет и тот факт, что пословицы являются источником образности, в них сохраняются отголоски народной духовной культуры, мифов, верований, морали, народной философии, народной педагогики и т.д. *Знают и в Казани, что люди сказали. У него стыда, что волос на камне*.

В-третьих, пословицы рождает наша жизнь, ее позитивный и негативный опыт: *По очкам оправа, по делам слава. Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей больше заплатил*.

О новой жизни пословицы, а не просто о бессмертии старой, свидетельствует обилие появившихся словарей, названных почему-то словарями антипословиц [4], В.Белянин и др. Данный термин, являющийся калькой с немецкого, хорош как термин, но не вскрывает сути явления. Если это антипословицы, то они должны вступать в конфронтацию с классическими пословицами, с системой ценностей, представленных в них. Но мы этого не наблюдаем: *Не можешь пить, не пей; Кто спер, тому пер* (удача); *Не порно — не задорно* и др. Факт появления новых пословиц был зафиксирован еще словарями XX века: *Лучшая рыба — это колбаса, Больше народу — меньше кислороду* и др. В XX веке пословицами становились удачные цитаты из фильмов, книг: *Кто возьмет билетов пачку, тот получит водочку! Я не трус, но я боюсь; Наши люди в булочную на такси не ездят; Если человек идиот, то это надолго* и др.

Думается, точнее было бы назвать их новыми пословицами рубежа тысячелетий, потому что они отвечают основным признакам, выделенным при анализе классических пословиц: устойчивость и воспроизводимость, наличие образного плана, высокая степень обобщенности значения, в котором актуализируется накопленный опыт, особенности синтаксической структуры — форма предложения и др.

Сам факт их появления и достаточно широкого распространения доказывает: они нужны языку и человеку.

Есть философская ипостась культуры, согласно которой в русской культуре место пословицам найдется всегда, потому что, как сказал И.Бродский: «Мы — нация многословная и многосложная: мы — люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных. Говорящий кратко, тем более кратко пишущий, обескураживает и как бы компрометирует словесную нашу избыточность» [5]. А пословица, в отличие от фразеологизма, как раз многословна, что также обеспечивает ей длительное существование в русской культуре.

Пословицы живут до тех пор, пока проблемы, которые затрагиваются в них, волнуют человека. Большинство пословиц касается таких вечных тем, как дружба, семья, правда. А эти стороны жизни всегда будут иметь большое значение для человека. По-

словица передается из поколения в поколение в качестве поучительного опыта. Она имеет большое воспитательное значение: *На твою спесь пословица есть. На пословицу, что на дурака, и суда нет*.

Если в XX веке источником для появления пословиц были кинофильмы и книги, то на рубеже веков на формирование пословиц оказал влияние язык рекламы, язык телевидения, уровень политической риторики и др. современные тексты. Так, рекламный слоган о колготках превратился в пословицу: *От Парижа до Находки с водкой лучше, чем без водки*. Появилось несколько ее вариантов.

Но в современной культуре не только появились новые, но получили распространение старые прецедентные пословицы, которые трансформируются к новым условиям:

*Любишь кататься — люби и катайся!*

*Любишь кататься — так катись к чертовой матери!*

*Любишь кататься — люби и самочек возить!*

Более того, часто в новых пословицах происходит контаминация нескольких старых: *Любишь кататься — имей сто рублей! Баба с воза — семеро одного не ждут! Голод не тетка — в лес не убежит!*

Такие пословицы вторичны, при их восприятии неизменно в сознании носителя языка просматривается пословица-источник.

Справедливости ради нужно сказать, что разного рода трансформации классических пословиц встречались и в XIX веке (например, у М.Е. Салтыкова-Щедрина: *Маленькая рыбка лучше большого таракана* и др.), но такие факты были единичны, а в конце XX века они стали массовыми.

Б.Норман писал, что «пословицы структурно незыблемы и неприкосновенны» [6], с чем нельзя согласиться. В современных пословицах происходят самые различные трансформации классических, например, по созвучию: *Каждой твари — по харе! Обещанного три гада ждут!* По игре словами: *Не йог горшки обжигают!* По противопоставлению игрового / серьезного: *Играть играй, да дело знай*. По замене одного или нескольких компонентов в традиционных пословицах и широко известных афоризмах: *Еще не старость, но уже и не радость; Все беды от глупости, а настоящее горе от ума* и т.д.

По семантике и тематике — это тоже самые разные типы: шутливые дефиниции: *Возраст — это когда стоимость свечей превышает стоимость торта*; шутливые сентенции: *Чтобы узнать себе цену, нужно продаться*; трансформирование прецедентных высказываний, афоризмов: *Трое в лодке, не стесняясь собаки; Пока красота спасет мир, красоты его погубят; Культура, как бутерброд, падает вниз интеллигенцией*.

Многие новые пословицы используют жаргонную и сленговую лексику: *Отмороженных больше, чем ошпаренных, таковы особенности национального климата*.

При этом по своей структуре и семантике новые пословицы довольно близки классическим: *Кто быстро гонит, того медленно несут*. Их смысловой эффект рождается в результате особого стяжения

синтаксической и лексической формы, призванного закрепить некое содержание. В них преобладают краткие предложения на фоне сочетания неопределенно-личных форм и глагола в настоящем времени или повелительном наклонении, также параллелизм; аллитерация, ассонанс, рифма и иные звуковые механизмы, делающие высказывание ритмическим и сжатым: *Солнце, воздух и вода не помогут никогда, только секс и пофигизм укрепляют организм.*

Все эти приемы помогают обобщить утверждение, поднять его до пословицы, то есть превратить в эквивалент инвариантной ситуации, которая может быть реализована в практически бесконечном числе вариантов ситуаций: *И как у жены поворачивается язык обвинять мужа, что он пришел на рогах??*

Сочетание нескольких таких приемов становится для слушателя сигналом, фиксирующим нечто вроде дискурсивной изотопии. Можно говорить о «пословицном стиле», существующем как бы вне времени.

Причины широкого распространения новых пословиц в том, что с их помощью наша психика защищает себя от того гротескного и алогичного времени, которое мы переживаем: *Жизнь — как зебра? Будь хитрее! Дошел до белой полосы и вдоль, вдоль! Если на вашем жизненном пути все гладко, значит, вы движетесь не по той полосе. Только головная собака замечает изменение маршрута.*

Современная пословица, назвав всё своими именами, рождает из хаоса смысл. Иначе бы психика не выдержала.

**Выводы.** Поскольку пословицы актуальны в русской лингвокультуре, они создавались и создаются всегда (например, еще в XIX веке их было много в языке Салтыкова-Щедрина), а не в какой-то определенный период. «Без пословицы не проживешь», — так считали люди в прошлом. Русский народ выразил в пословицах свой ум, свою мораль, свои творческие

возможности. Некоторые пословицы представляют собой высказывания в прозе, другие имеют признаки стихотворного текста (рифму и размер). В целом построение новых пословиц отличается сильная сжатость смысла в метафору, наличие игры (каламбур) и др. характеристики. Они возникли из фразеологизмов, афоризмов, прецедентного текста, рекламного слогана. При этом изменилась их функция в обществе. Если классическим

пословицам присуща прежде всего регулятивная функция, то новым — игровая.

1. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988, с. 81.
2. Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. М., 1987. С. 141.
3. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 78.
4. Вальтер Х., Мокненко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005. 576 с.
5. Бродский И. Набережная неисцелимых. Тринадцать эссе. М., 1992, С. 97.
6. Норман Б.Ю. Почему антипословицы — «анти»? // Slowo. Tekst. Czas X. Szczecin — Greifswald, 2010, С. 313.

#### References

1. Permyakov G.L. Osnovy strukturnoj paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, 1988, p. 81.
2. Arutyunova N.D. Nenormativnye javlenija i jazyk [Deviant phenomena and the language]. Jazyk i logicheskaja teorija [The language and logical theory]. Moscow, 1987, p. 141.
3. Potebnya A.A. Estetika i pojetika [Aesthetics and Poetics]. Moscow, 1976, p. 78.
4. Walter H., Mokienko V.M. Antiposlovicy russkogo naroda [Antiproverbs of the Russian people]. St. Petersburg, 2005. 576 p.
5. Brodsky I. Naberezhnaja neiscelimyh. Trinadcat jesse [Embarkment of the incurable. Thirteen essays]. Moscow, 1992, p. 97.
6. Norman B.Yu. Pochemu antiposlovicy — «anti»? [Why are the antiproverbs — “anti”?]. Slowo. Tekst. Czas X. Szczecin — Greifswald, 2010, p. 313.